

В плюсквамперфекте
Маленькая поэма

*...Нет имени у Бога, ибо Сам
Он есть всеобнимающее Имя.
Б. Н.*

*Земное сердце стынет вновь...
А. Б.*

1

Тянулся август. Жёлтая луна
Светила вполнакала, оклика
Электролампы в окнах трёхэтажки -
Одни под абажурами, другие -
Без.

Право, не без чувства ностальгии
Припоминаю эти времена:
Носили тубетейки и фуражки,
И шепотом гадала на ромашке
О чём-то очень странном детвора.
Тянулся август. И текла жара
За шиворот расстёгнутой рубашки...
И дни текли, друг другу потакая
И всякий грех друг другу отпуская
(Молва мирская что волна морская), -
Такая уж тогда была пора.

В ту пору,
возвращаясь с огорода
(Три нищих сотки в четырёх верстах),
Как с яркими воздушными шарами,
С земными благодатными дарами,
Обычными в отеческих местах
(Корзинка яблок да пучок моркови
И три пиона королевской крови,
Хранившие среди каменных громад
Неуловимо тленный аромат),
Под шуточки десантника-соседа -
Весельчака с печальнейшим лицом -
Коричневый от солнца и усталый,
Отец меня устраивал на раме
Старинного того велосипеда,
Как если бы я был щеглом, скворцом,
А не дитятей со щербатым ртом,
И было меж отцовских рук, пожалуй,

Надёжно так, как никогда потом
Уже на свете белом не бывало...

И сердце, пересиливая страх
С законом притяженья расквитаться,
Уйти в зенит и навсегда остаться
В каких-то фантастических мирах
(Ах, вот она, желанная свобода,
Когда тебе всего четыре года!),
Как будто знало: в том его победа -
И ликовало в эти вечера.

Тянулся август. И текла жара...
В пределах зеленевшего двора
Под куполом живого небосвода
(Сто тысяч звёзд сияли нам тогда,
И среди них Полярная звезда -
Путеводительница морехода)
Отец мой делал круг, а то и два
На том велосипеде.

Трепетала

В том сумраке, прозрачном и густом
Одновременно, как бывает в детстве,
Когда ясней разгадка соответствий,
Подернутая желтизной листва
Большого клена в тесном палисаде:
Как бы приготавливая торжества
Осенних тризн, аукалась с луною,
В лиловости мерцавшей желтизною...
И всё в округе как бы умолкало -
По совести, кому нужны слова?

(- Где клены те - скажите, Бога ради? -
Твердишь сегодня в душном снегопаде,
Немотствующем в сумраке пустом,
И ловишь воздух почерневшим ртом).

А там, за палисадником, с верёвки,
Протянутой меж ржавыми столбами,
Свисали наши майки и носки,
И детские воздушные панамки,
И (ловишь воздух белыми губами)
Те ситцевые мамины платки:
Один в горошек, а другой в полоску...
(А впрочем, фото в самодельной рамке,

Нововведениям века вопреки,
Все тут...)

А время вяжет узелки
И, надобно признать, не без сноровки
Использует ловушки и уловки:
Капканы ставит, мастерит силки...

...Всё то, что прожил я, подобно воску.

...Но ты, душа, всё внемлешь отголоску -
И не познать
смирнее тоски.

2

Тогда и там

вещания ночного
(За неимением опыта иного,
Который был бы кем-то подтвержден)
И знать не знали.

На границе суток
Обычно прекращалось то вещанье,
Приманчивое, точно обещанье
Грядущих, ослепительных времен.

(Для нынешних-то дней по-детски рано
И, кроме шуток, делается жуток
И кажется огромен промежуток, -
Сказать иначе, черная дыра
Всего-то в ночь, - меж завтра и вчера.)

И диктор, с черно-белого экрана
(Сперва "Рекорд", а после "Электрон")
Прицельными глазами Минотавра
Смотревший в лица бабушки и деда,
Отца и дочери, матери и сына,
По-жречески торжественно и чинно,
Как бы во что-то свыше посвящён,
Читал программу передач на завтра
(А *завтра... завтра* - новая победа
Под плеск и шелест шелковых знамен):

Спортивная трансляция (борьба ли,
Гимнастика, фигурное катанье,
Ледовой ли дружины испытанье -
На смертный бой похожая игра,
В особенности с чехами, в финале);

И поэтические вечера
На первом - и единственном - канале:
Твардовского сменивший Наровчатов,
Кулиев, Кугультинов и Гамзатов,
Ошанин, Доризо *et cetera...*;

По четвергам же - "Шахматная школа"
Для тех, кто не снисходит до футбола,
Но ищет столкновения идей:
Попеременно Авербах и Котов
Мальчишку учат дереву расчетов
И стратагемам эндшпиля - владей!

Иль детектив для жаждущих развязки -
Смыванья грима и срыванья маски
(Какая-то пропавшая безделка,
Он старший лейтенант, она сиделка,
Его любовь, погоня, перестрелка,
Не то иной какой-то тарарам);

Иль что-нибудь из здешних мелодрам
(Он бригадир, она глава цехкома,
Короткий взгляд - и "будто век знакомы",
На отдаленном плане пилорама,
Его дружки - любители "ста грамм",
Ее подруги - прихожанки храма,
Она упряма, но и он упряма);

И, каждый месяц, "Кинопанорама"
В ряду иных волшебных панорам;
И, каждый выходной, "В гостях у сказки":
Снегурки, Белоснежки, Синеглазки,
Емели да Иваны-дураки -
Сердце мудрее не было на свете
(Так верилось когда-то в сказки эти,
А ныне сердце стынет от тоски);
И каждый день - всегда в прямом эфире -
(Заставка из Свиридова в начале,
Каких бы в мире ни случилось драм,
Не попускала мысли о печали) -
Оптимистичнейшая из программ...

А за год где-то раза три-четыре -
Концерт в Колонном зале: детский хор
Под руководством, кажется, Попова

Дабы в оконной раме не оставить
Ни щелочки в канун грядущих стуж...
И запах, точно в мастерской столярной,
Тот самый запах, приторный и пресный
В одно и то же время, жил в квартире:
В гостиной, в детской, в спальней и на кухне –
На протяжении часа или двух...
Зато на протяжении полугода,
С начала ноября и вплоть до мая,
Нигде в доме не дуло, не сквозило,
И было всем – от мала до велика –
Как никогда потом уже, тепло...

С тех пор прошло без малого полвека:
Прошлялось, протопталось... протекло...

Меня знобит от тех воспоминаний,
Особенно в рождественские ночи,
Когда горит Полярная звезда
В морозном черном небе и когда
Туда, на тот же самый нищий скверик,
Заваленный тяжелыми снегами,
Стыдясь чего-то, что назвать не вправе,
Над чем-то безымянным торжествуя,
Смотрю я сквозь холодное стекло.